
ОБЗОРЫ
REVIEWS

Социально-психологические факторы принятия политики мультикультурализма в России: аналитический обзор

М.В. Котова*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
mkotova@hse.ru

Исходная проблема, ставшая предметом рассмотрения, состоит в невозможности прямого переноса успешных решений в рамках политики мультикультурализма, найденных в одном контексте, государстве, в другой. Одним из решений может стать выделение социально-психологических факторов, которые способствуют или препятствуют принятию политики мультикультурализма. Исходя из анализа литературы, автор полагает, что в качестве ключевых выступают следующие факторы: безопасность идентичности; поддержка стратегии интеграции и политики мультикультурализма населением; соблюдение условий построения межгруппового контакта, как в рамках институтов образования, так и в более широком контексте; развитие мультикультурной идентичности. Оценка действия данных факторов в российском контексте приводит к выводу, что для проявления ряда факторов существуют более благоприятные условия, для других – менее. Наибольшее опасение вызывают обеспечение безопасности идентичности, соблюдение условий построения межгруппового контакта и развитие мультикультурной идентичности, что указывает на нарушение двух из трех ключевых критериев мультикультурной политики: активная работа над признанием равенства прав различных культурных групп и обеспечение и поддержка их идентичности и культурных практик.

Ключевые слова: мультикультурализм, межгрупповые отношения, безопасность идентичности, межгрупповой контакт, мультикультурная идентичность, Россия.

Social Psychological Factors of Multicultural Adoption Policy in Russia: A Review

M.V. Kotova,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
mkotova@hse.ru

Для цитаты:

Котова М.В. Социально-психологические факторы принятия политики мультикультурализма в России: аналитический обзор // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 4. С. 91–100. doi: 10.17759/chp.2017130410

For citation:

Kotova M.V. Social Psychological Factors of Multicultural Adoption Policy in Russia: A Review. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 4, pp. 91–100. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2017130410

* *Котова Марина Викторовна*, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организационной психологии департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: *mkotova@hse.ru*

Kotova Marina Viktorovna, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Chair of Organizational Psychology, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: *mkotova@hse.ru*

The initial issue that became the focus of this study is that it is impossible to directly transfer successful multicultural policy solutions found in one context, one state to another. Therefore, one of the possible answers to this problem can be investigating social psychological factors that either contribute to or interfere with the adoption of multiculturalism policy. Basing on the analysis of various works on this topic, we suggest that the key factors are the following: protection of identity; support of integration strategies and multicultural policies by the population; compliance with the rules of establishing intergroup contact, as within educational institutions, as within a wider context; development of multicultural identity. Evaluation of the impacts of these factors within the Russian context allows us to conclude that the conditions are more favourable for some of them and less favourable for others. Protection of identity, compliance with the rules of intergroup contact, and development of multicultural identity are the ones to cause the most concern, which means that two of the three key criteria of multicultural policy are not satisfied: activities aimed at accepting equal rights of various cultural groups and protection and support of their identities and cultural practices.

Keywords: multiculturalism, intergroup relationships, protection of identity, intergroup contact, multicultural identity, Russia.

Политика мультикультурализма: проблема реализации в новом контексте

Термины «мультикультурализм» (multiculturalism) и «политика мультикультурализма» (multicultural policy) привлекают нарастающее внимание специалистов¹. По мере исследований данные термины стали пониматься по-разному. При последующем анализе мы будем опираться на понимание мультикультурализма как идеологии, которая сочетает несколько требований: 1) акцент на позитивном смысле культурного разнообразия общества; 2) активная работа над признанием равенства прав различных культурных групп; 3) обеспечение и поддержка различных культурных групп, проживающих в государстве, поддержка их идентичности и культурных практик [29; 46]. Политика мультикультурализма в таком случае — комплекс политических мер и решений для развития данной идеологии в обществе. Понимание мультикультурализма задает точку отсчета для оценки политики, реализуемой государством. Например, обсуждая критические замечания европейских лидеров о неэффективности и крахе политики мультикультурализма в Европе, Дж. Берри указывает, что проводимая политика мультикультурной была названа поспешно, так как произошло лишь признание культурного разнообразия, но не были приняты меры по обеспечению равенства групп и возможности их продуктивного взаимодействия [30].

Политика мультикультурализма вызывает как оптимистичные, так и пессимистичные оценки возможности ее реализации [24; 30; 41; 44]. Все большее значение и эмпирическую поддержку в последнее время приобретает тезис, что мера принятия политики мультикультурализма в том или ином обществе существенно зависит от его исторической и культурной специфики, поэтому решения, ставшие успешными в одном государстве, с невысокой вероятностью будут таковыми в другом [10; 19; 24; 41; 44]. Невоз-

можность прямого переноса из одного контекста в другой ставит достаточно сложную задачу интеграции уже известных базовых факторов, облегчающих взаимодействие между различными культурными группами, и особенностей взаимного восприятия и взаимодействия изучаемых групп в конкретном государстве.

Редкие примеры попыток такого анализа можно найти для контекста Канады [30], Германии [36], Малайзии и Сингапура [48], Новой Зеландии [53]. Возрастает число отечественных исследований, сфокусированных на психологических факторах взаимной адаптации и восприятия различных культурных групп России [22; 37; 42; 43; 45; 51], вкладе национальной политики прошедших эпох [2; 13; 24], особенностях миграционной политики [12; 13; 25], роли системы образования [6; 23; 26]. Однако задача интеграции знания, указанная выше, пока редко становится предметом интереса исследователей. Поэтому целью данного аналитического обзора является обобщение выделяемых в исследованиях социально-психологических факторов принятия политики мультикультурализма и анализ действия этих факторов в российском контексте, по данным отечественных психологических, социологических и политологических исследований.

Фокус на социально-психологических факторах объясняется их значением для понимания процессов принятия политики мультикультурализма. Поскольку мультикультурализм предлагает принципиально иное устройство общества, нежели принцип статуса-кво для этнического или религиозного большинства, то, как показывают исследования, формальное внедрение политики мультикультурализма не ведет к автоматическому ее восприятию населением как блага, но опосредствуется большим числом факторов, которые могут как способствовать, так и препятствовать развитию такого рода политики [36; 41; 44].

¹ В настоящий момент база цитирований Scopus насчитывает чуть более шести тысяч статей, в заглавии, абстракте или ключевых словах которых присутствует термин «multiculturalism» или «multicultural policy». Отечественная научная электронная библиотека [НЭБ] содержит более тысячи источников по подобному запросу.

Социально-психологические факторы принятия политики мультикультурализма

Анализ существующих исследований позволяет говорить о том, что исследователи используют две логики рассуждения при изучении принятия и успешности политики мультикультурализма. Первая из логик состоит в поиске тех особенностей группы и межгрупповых отношений, которые отвечают за благоприятность данных отношений. Вторая логика заключается в выделении ключевых индикаторов, свидетельствующих о мере развития мультикультурализма в обществе. С нашей точки зрения, одновременный учет каждой из логик может быть продуктивен и для определения социально-психологических факторов принятия политики мультикультурализма, которые отдельно не становились предметом внимания исследователей, и для задачи интеграции знания, указанной выше.

Если говорить о первой из логик, то наиболее известной концептуальной рамкой являются три гипотезы, сформулированные Дж. Берри при анализе канадской политики мультикультурализма [30]. Гипотезы описывают соотношение основных переменных, важных для принятия данной политики. Гипотеза мультикультурализма говорит о том, что уверенность членов группы в своей идентичности (безопасность идентичности) будет вести к принятию других групп, уменьшению негативных межгрупповых установок. Согласно гипотезе интеграции, настроенность на интеграцию (одновременное сохранение своего культурного наследия и включенность в деятельность большого сообщества) ведет к большему благополучию членов группы, как психологическому, так и социальному. Гипотеза контакта утверждает, что контакт между группами, построенный по определенным условиям, приводит к уменьшению предрассудков и усилению взаимного принятия. Каждая из гипотез получила свое неоднократное подтверждение в исследованиях в различных странах и выборках [30; 42; 43; 47; 49; 52].

Индикаторы меры развития мультикультурализма (вторая логика) можно объединить в четыре группы показателей: 1) отношение к мультикультурализму (как к демографическому факту или политике); 2) особенности межгрупповых отношений; 3) мера включения политики мультикультурализма в систему образования; 4) мера развития мультикультурной идентичности [28; 30; 36; 53]. Отношение к мультикультурализму выступает определенным «фоном» для поддержки остальных процессов или сигналом неблагополучия [28; 30]. Второй из индикаторов, особенности межгрупповых отношений, рассматривается чаще всего с точки зрения наличия социальных программ по организации межкультурного контакта [28], хотя, по нашему мнению, включает большое число других явлений, среди которых особо следует отметить воспринимаемую безопасность и дискриминацию [33; 49; 50]. Третий из индикаторов, мультикультурность образования, связан с наличием эффективных программ развития межкультурного

взаимодействия в школах и университетах [8; 23; 28; 54]. И последний из индикаторов включает большой пласт исследований факторов, способствующих развитию мультикультурной идентичности и усилению ее роли в межгрупповых отношениях [28; 31; 33; 47].

Можно заметить, что в рамках каждой из логик рассуждения на позиции факторов выступают одни и те же переменные: безопасность идентичности; поддержка стратегии интеграции и политики мультикультурализма населением; соблюдение условий построения межгруппового контакта, как в рамках институтов образования, так и в более широком контексте; развитие мультикультурной идентичности, которая с необходимостью связана как с увеличением безопасности идентичности, так и с предпочтением стратегии интеграции. Соответственно, именно эти переменные мы будем рассматривать в данной работе как ключевые социально-психологические факторы для дальнейшей оценки принятия политики мультикультурализма в России.

Принятие политики мультикультурализма в России: социально-психологический анализ

Гипотезы, выдвинутые Дж. Берри, подверглись проверке в Центральной России [42; 43; 51], на Северном Кавказе [37; 45] и в Латвии [43]. Участниками исследований выступали как представители этнического большинства в данных регионах, так и этническое меньшинство и мигранты. В большинстве случаев гипотезы получают полное или частичное подтверждение, последнее — чаще. Важно, что ряд предполагаемых в гипотезах взаимосвязей может отсутствовать при анализе данных постсоветского пространства, однако не встречается таких, которые были бы противоположны им. Для гипотезы мультикультурализма характерно «мигание» значимых взаимосвязей; так, в одних выборках безопасность идентичности способствует принятию мультикультурной идеологии, но не связана с толерантностью, в других — наоборот. Сопоставляя большинство и меньшинство, можно говорить, что полное подтверждение гипотезы чаще выявляется для группы большинства, нежели меньшинства. Это положительный сигнал, поскольку большинство менее склонно разделять идеи мультикультурализма, нежели меньшинство [28], а политику в большей мере определяет большинство.

Однако при проверке гипотезы интеграции данные указывают на то, что в группах меньшинства и мигрантов стратегия ассимиляции, т. е. «растворения» в культуре большинства (если она была включена как переменная при математическом моделировании), начинает в некотором роде работать «вместо» интеграции, предсказывая уровень благополучия человека и связываясь с воспринимаемой дискриминацией в рамках гипотезы мультикультурализма или с количеством межкультурных контактов в гипотезе контакта. Вероятно, это может свидетельствовать о неявном тяготении российского общества к ассими-

ляционной модели, нежели к мультикультурализму, по крайней мере, с точки зрения меньшинства или мигрантов, что, по данным ряда исследований, чревато осложнениями межгрупповых отношений [35]. Схожие мысли вызывает и тот факт, что при проверке гипотезы контакта количество межкультурных контактов не предсказывает толерантность (за крайне редким исключением), хотя систематически связано с предпочтением стратегий интеграции или ассимиляции. Возможно, такое различие объясняется тем, что толерантность указывает на эмоциональное принятие другой группы, тогда как стратегия интеграции в большей мере связана с признанием правильности такой модели поведения, т. е. политика поддерживается на нормативном уровне, но нет ее эмоционального принятия.

Соответственно, можно утверждать, что для российского контекста в целом сохраняются закономерности межгрупповых отношений, сформулированные в гипотезах Дж. Берри, однако возникает вопрос, насколько в России выражены исходные для гипотез переменные (безопасность идентичности, воспринимаемая дискриминация, отношение к мультикультурной идеологии и др.). И хотя для России нет данных, аналогичных масштабным зарубежным опросам, тем не менее попробуем реализовать оценку влияния в российском контексте выделенных выше четырех групп индикаторов на основании синтеза косвенных данных.

Мониторинги общественного мнения указывают на разнородную картину отношения жителей России к мультикультурности как демографическому факту. Согласно опросам [11], достаточно стабильно² около 40–45% жителей считают, что многонациональность приносит России больше пользы, около 23–25% — больше вреда, причем положительная динамика в сторону пользы отмечается с 2012 г. При этом около половины участников полагают, что все национальные группы страны должны обладать равными правами, а 35% считают, что коренные жители должны обладать большими правами. Эта динамика «ухудшилась» с 1999 г., тогда соотношение было 76% к 18%, что, вероятно, связано с усилением потоков миграции. О невысоком принятии миграции говорит также тот факт, что 58% считают, что необходимо ограничить въезд представителей некоторых национальностей в свою область проживания (25% так не считают), и 73% считают, что приезжих в их городе (поселке, селе) — много (17% — мало). При этом важно, что 76% жителей не испытывают неприязни к представителям других групп, и этот показатель постепенно возрастает с 2002 г. (65%), тогда как число испытывающих неприязнь снижается (с 32% до 17%). Ощущение единства нации в 2014 г. существенно усилилось по сравнению с 2012 г. (44% и 23% соответственно), доля тех, кто полагал обратное — снизилась (с 56% до 35%) [14]. При этом при ответе

на открытый вопрос, почему в России есть народное единство, первый или второй по частотности ответ: «Все нации мирно уживаются между собой» (22% — 2012 г., 14% — 2014 г.).

Об отношении к мультикультурализму как к идеологии можно косвенно судить на основании меры согласия респондентов с утверждениями соответствующих шкал. Результаты социально-психологических исследований показывают [37; 42; 43; 45; 51], что участники в целом склонны поддерживать идеологию мультикультурализма, разделять стратегию интеграции и поддерживать утверждения о толерантности. При этом меньшинство или мигранты в большей мере разделяют суждения этих шкал, а большинство — меньше, что согласуется с данными зарубежных исследований [28]. Важно отметить, что в случае изучения отношений «большинство—мигранты» поддержка идеологии мультикультурализма и толерантность ниже для каждой из групп, нежели при изучении отношений «большинство—меньшинство» (коренное население).

На уровне государственной политики также происходят изменения. Анализ Стратегии государственной национальной политики [15], которая в 2012 г. пришла на смену стратегии 1996 г.³ позволяет утверждать, что в ней отражены три ключевых условия мультикультурной политики, схожие с таковой в Канаде (указание на благотворность культурного разнообразия, декларация равенства прав и необходимости мер по их соблюдению и признание необходимости поддержки различных культурных групп). Также в программной статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин подчеркивает, что Россия качественно отличается от американского «плавильного котла»⁴ по своей истории и национальной политике и изначально формировалась как многонациональное государство [19]. Соответственно, можно говорить о систематическом внимании государственной власти к взаимодействию разных культурных групп в стране. Тем не менее, нужно отметить, что Стратегия государственной национальной политики направлена на граждан страны, что явственно следует из положений документа, тогда как мигранты и вопросы миграции подпадают под деятельность другого ведомства и регулируются другими законами. Исследователи, изучающие адаптацию мигрантов и отношение к ним со стороны населения, чаще склонны указывать на серьезные сложности, в том числе проистекающие из законодательных решений, которых подробнее мы коснемся далее [2; 12; 25].

Второй из индикаторов, особенности межгрупповых отношений, и третий, мультикультурность образования, рассмотрим вместе, поскольку, с нашей точки зрения, они затрагивают сходные социально-психологические процессы. За последние полтора десятка лет в России было запущено большое число программ построения межкультурного диалога раз-

² В отчете ФОМ представлены срезы по данным с 1999 по 2014 г.

³ Для реализации данной стратегии в 2015 г. было создано Федеральное агентство по делам национальностей.

⁴ Хотя надо заметить, что сам термин «мультикультурализм» президент не одобряет.

ного уровня, от федеральных до локальных, и разной целевой направленности [2; 6; 8; 16; 21; 23; 26]. Оценка реализации программы на уровне когнитивных, эмоциональных и поведенческих изменений, например, повышения уровня межкультурной компетентности и толерантности, обычно положительная, особенно если тренинги были организованы по тщательно разработанной программе, с привлечением отечественного и мирового опыта [8; 23; 24]. Тем не менее, реализация программ в более широком масштабе сталкивается с существенными трудностями. Чаще всего специалисты указывают следующие: бюрократизация и политизация программы; исключение из нее «неудобных» специалистов и сужение компетентности экспертов; недостаточность внимания к формированию этнокультурной компетентности государственных служащих, педагогов, сотрудников правоохранительных органов; наличие системы, когда личная толерантность таких сотрудников становится им невыгодна или даже вредна [12; 21; 25; 26].

Перечисленные факты, с нашей точки зрения, запускают ряд социально-психологических процессов, которые отрицательно сказываются на принятии политики мультикультурализма. Отсутствие компетентности в межкультурной коммуникации ведет к тревожности и снижению чувства безопасности при таких контактах, что является исходной переменной гипотезы мультикультурализма [30; 50]. Помимо этого, невысокая компетентность увеличивает количество ошибочных атрибуций при понимании поведения представителя другой культуры и подпитывает неблагоприятные стереотипы, которые легко актуализируются, но крайне сложно меняются [33; 34]. Усиливается этот эффект тем, что межгрупповые отношения и межгрупповое восприятие достаточно ригидны и чувствительны к навешиванию ярлыков и стигматизации [33; 34; 38]. Более того, для формирования стереотипов и предубеждений не необходим непосредственный контакт с представителями другой культуры [34], поэтому огромное значение приобретают средства массовой информации. Некорректность освещения в отечественных СМИ межгрупповых конфликтов и прием «плюс этничность» недавно стали объектом пристального внимания журналистов-конфликтологов [18]. Наглядно действие перечисленных процессов можно увидеть для понятия «мигрант», которое тесно связывается в обыденном понимании с нелегальностью, преступностью, чуждостью, «приезжими» и обрастает большим числом пугающих мифов [4; 5; 12; 13; 17; 23; 25].

Для мигрантов и меньшинств чувство безопасности подрывается в еще большей степени дискриминационными практиками, а также существующей тенденцией криминализации труда мигрантов [12; 13; 25], барьерами при получении медицинской помощи [20]. Специалисты указывают, что работодателю выгоден труд нелегальных мигрантов и их компактное расселение, ограничение свободы передвижения, тогда как для правоохранительных органов и местного населения виноватым в сложившейся картине вы-

ступает мигрант [5; 12; 25]. Компактность расселения также усиливает чувство угрозы у местных жителей, поскольку связано с восприятием высокой сплоченности и целостности группы, что, в свою очередь, усиливает воспринимаемую агрессивность группы [27].

Для институтов образования свойственны все указанные процессы, дополняющиеся рядом особенностей. Исследователи указывают, что отечественная система образования нацелена на передачу и усвоение формальных норм, правил и на получение фиксированного набора знаний, соответственно, основное внимание и системы, и учителя сосредоточено на успеваемости ученика, а адаптация в культуре и интеграция — это включение прежде всего во взаимодействие [17; 23; 26]. С одной стороны, это препятствует категоризации учеников на основании этнической принадлежности, что является продуктивным путем снижения предубеждений [33; 34]. Но при этом от ученика ожидается освоение и выполнение норм и правил, которые являются нормами большинства, что показывает, например, контент-анализ школьных учебников [7]. Тогда получается, что чем успешнее ученик (представитель мигрантов или меньшинства в регионе) в этой системе, тем он дальше от родной культуры, что встречает закономерное сопротивление старшего поколения [2; 3; 23] и является, по сути, стратегией ассимиляции, но не интеграции.

Помимо этого, в представлении учителя успеваемость и потенциал ученика могут объединяться в один образ с другими параметрами, например, наличием акцента речи [1], который вероятнее будет у ученика не из группы большинства. В таком случае имплицитно формируется представление о таких учениках (и группе в целом) как неуспешных и не способных адаптироваться, что, как показывают исследования «угрозы стереотипа», создает далее действительно серьезные трудности в адаптации и способно трансформироваться в отклоняющееся поведение, в том числе в межгрупповых отношениях [40]. Приоритет нормативных задач обучения приводит также к тому, что внедрение программ межкультурного диалога становится «доброй волей» учителя, которая не финансируется. Поскольку внедрение такой программы требует много усилий, то отсутствие финансирования не способствует мотивации учителя по саморазвитию в этой области [3; 23; 26], что снова возвращает нас к проблеме формирования этнокультурной компетентности и ее последствиям.

Четвертый из выделяемых индикаторов, развитие мультикультурной идентичности, вызывает, пожалуй, более всего дискуссий в отечественной литературе, связанных с национальной идентичностью и формированием патриотизма, национализмом и шовинизмом [2; 10; 16; 24]. С точки зрения социально-психологических факторов принятия политики мультикультурализма, интересно одно из противоречий, к которому обращаются исследователи. С одной стороны, мультикультурализм является «детищем» либерально-демократической идеологии, где крити-

чен акцент на равенстве прав и построении гражданского общества, т. е. внимании к правам отдельного человека. С другой стороны, мультикультурализм как политика с необходимостью обращается к группе (этнической, расовой, культурной) как субъекту межгрупповых отношений, делает ее выпуклой для самосознания человека. При построении надгрупповой, или в данном случае мультикультурной, идентичности необходим тонкий баланс личностной и групповой идентичности [33] и соблюдение условий построения межгруппового контакта [49]. Иначе попытки актуализации надгрупповой идентичности оборачиваются усилением пристрастности и предубеждений [32; 33]. Однако для российского контекста свойственен переко́с в сторону приоритетности группы, что следует из данных о резком росте этнического самосознания [16; 23], анализа данных опросов общественного мнения [13; 16; 23], содержания Стратегии национальной политики, которая за редким исключением оперирует понятиями «нация» и «группа» [15].

Усложняется этот «переко́с» еще рядом особенностей. Специалисты отмечают, что понятие «нация» в обыденном сознании россиян тесно связано с понятием «этно́с» [24], которое, в свою очередь, ближе к примордиалистскому его пониманию как исторической общности с обязательным набором атрибутов (язык, обычаи и т. п.). В таком случае построение «нации россиян» может восприниматься жителями ошибочно как поиск конкретной этнической группы, которая станет основной этой нации, что противоположно построению мультикультурного общества. Негласно претендует на такую роль этническое большинство [31]. Косвенными показателями того, что такие процессы действительно происходят, может служить существенный рост выраженности осознания принадлежности к этнической группе у русских [11; 16], что группе большинства обычно не свойственно; фиксация восприятия русскими себя как меньшинства [23], что ведет к снижению чувства безопасности и усилению воспринимаемой дискриминации; существенная поддержка лозунга «Россия для русских» [16]; положительная взаимосвязь между шкалами патриотизма и национализма при измерении гражданской идентичности [39]. Также свой вклад вносит политизация идентичности, языка, образовательного процесса как ресурса власти, отсутствие баланса между центром и регионами [3; 9; 10; 21; 24]. Следовательно, жителю страны скорее приходится выбирать между группами лояльности, что становится барьером для

построения мультикультурной идентичности и нарушает правила межгруппового контакта [33; 49].

Заключение

Проведенный анализ позволяет говорить, что существуют факторы как способствующие, так и препятствующие принятию политики мультикультурализма в России. Наличие специальных программ различного масштаба и целей, стремление специалистов осмыслить, что значит «управлять культурным разнообразием» и финансирование такой деятельности, многовековой опыт совместного проживания различных культурных групп — все это, несомненно, связано с одним из ключевых критериев мультикультурной политики — признания культурного разнообразия как блага. Помимо этого, социально-психологические исследования указывают на общность механизмов, лежащих в основании построения межкультурного диалога для самых различных групп [37; 42; 43; 45; 51]. Общность не означает нивелирования контекста, но позволяет применять знания, полученные при изучении межгрупповых отношений в самых различных странах, с учетом особенностей взаимодействия конкретных культурных групп в России. Например, в Германии активно обсуждаются особенности миграции и взаимодействия, когда изначально временные трудовые мигранты начинают все более массово становиться постоянными жителями страны [32; 36], что близко ситуации в России. Для Малайзии характерна политизация идентичности и использование языка и этнической принадлежности как ресурса власти [48], что схоже с мнением исследователей об особенностях отечественного управления разнообразием.

Препятствующие факторы, с нашей точки зрения, связаны с особенностями реализации национальной политики. На уровне социально-психологических процессов, как показывает анализ, это существенно сказывается на снижении чувства безопасности идентичности, усилении воспринимаемой дискриминации, существенной выраженности этнической принадлежности в структуре идентичности, отсутствии процессов, которые бы поддерживали построение мультикультурной идентичности. Таким образом, нарушается выполнение двух других ключевых критериев мультикультурной политики: активная работа над признанием равенства прав различных культурных групп и обеспечение и поддержка различных культурных групп, проживающих в государстве, поддержка их идентичности и культурных практик.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00029).

Funding

This work was supported by the Russian Science Foundation (project #15-18-00029).

Литература

1. Бабаян И.В., Ярская В.Н. Культурное гражданство детей из семей мигрантов: потенциал и ограничения школьной интеграции // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 2. С. 251–256.
2. Бараш Р.Э. Нормативные и социальные предпосылки реализации политики мультикультурализма в России // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 6. С. 5–15.
3. Власова Т.А. Инклюзивные и эксклюзивные практики в системе национального образования: кейс-стади школы с этнокультурным компонентом города Ижевска // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 1. С. 207–220.
4. Галыпина В.Н. От соотечественника к «чужому»: образ этнического мигранта в восприятии москвичей (по результатам фокус-групповых дискуссий) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 72–83.
5. Григорьева К.С., Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Социальная среда российских городов в восприятии местного населения (на примере Астрахани и Самары). М.: Институт социологии РАН, 2009. 71 с.
6. Ковалева Н.И. Социально-психологическое сопровождение процесса адаптации представителей разных культур в условиях образовательного учреждения // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 75–80.
7. Козлова М.А. Учебная книга как инструмент закрепления морального порядка и управления многообразием: употребление категории «народ/этнос» в учебниках «Природоведение» и «Окружающий мир» // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 4. С. 583–598.
8. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М.: Привет, 2004. 358 с.
9. Макарова Г.И. В поисках новой модели этнокультурной политики федерального центра и регионов России (на примере Республики Татарстан) // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 1. С. 21–38.
10. Малахов В.С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 48–60.
11. Межнациональные отношения: мониторинг ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Obraz%ADzhizni/11876> (дата обращения: 18.07.2015).
12. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НИ «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. 245 с.
13. Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М.: Институт социологии РАН, 2005. 351 с.
14. Народное единство: что это такое и как его достичь? [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115040> (дата обращения: 18.07.2015).
15. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г., №1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://fadm.gov.ru/documents/8837-strategiya-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-rf-na-period-do-2025-goda> (дата обращения: 20.08.2015).
16. Паин Э.А. Ксенофобия и этнополитический экстремизм в России: О причинах неэффективности

References

1. Babayan I.V., Yarskaya V.N. Kul'turnoe grazhdanstvo detei iz semei migrantov: potentsial i ogranicheniya shkol'noi integratsii [Cultural citizenship of children from the migrants' families: Potential and limitations of the school integration]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2013, no. 2, pp. 251–256.
2. Barash R.E. Normativnye i sotsial'nye predposylki realizatsii politiki mul'tikul'turalizma v Rossii [Normative and social preconditions of multicultural policy implementation in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion], 2012, no. 6, pp. 5–15.
3. Vlasova T.A. Inklyuzivnye i eksklyuzivnye praktiki v sisteme natsional'nogo obrazovaniya: keis stadi shkoly s etnokul'turnym komponentom goroda Izhevsk [Inclusion and exclusion in ethnic education: Case study of the ethnic school in Izhevsk]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2013, no. 1, pp. 207–220.
4. Galyapina V.N. Ot sootchestvennika k "chuzhomu": obraz etnicheskogo migranta v vospriyatii moskvichei (po rezul'tatam fokus-gruppykh diskussii) [From compatriot to "alien": Image of ethnic migrant in Muscovites' perception]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Public Sciences and Modernity], 2015, no. 2, pp. 72–83.
5. Grigor'eva K.S., Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. Sotsial'naya sreda rossiiskikh gorodov v vospriyatii mestnogo naseleniya (na primere Astrakhani i Samary) [Social environment of Russian cities in local population perception (the case of Astrakhan and Samara)]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2009. 71 p.
6. Kovaleva N.I. Sotsial'no-psikhologicheskoe soprovozhdenie protsessa adaptatsii predstavitelei raznykh kul'tur v usloviyakh obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Social and psychological support of the process of adaptation of children from different cultures in an educational institution]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2010, no. 1, pp. 75–80. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Kozlova M.A. Uchebnaya kniga kak instrument zakrepleniya moral'nogo poryadka i upravleniya mnogoobraziem: upotrebleniye kategorii «narod/etnos» v uchebnikakh «Prirodovedeniye» i «Okruzhayushchii mir» [School textbooks as instruments for consolidating the moral order and ensuring diversity management: The use of the category "national/ethnic group" in "Natural Science" and "The World around Us"]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2014, no. 4, pp. 583–598.
8. Lebedeva N.M., Luneva O.V., Stefanenko T.G. Trening etnicheskoi tolerantnosti dlya shkol'nikov [Ethnic tolerance training for students]. Moscow: Publ. «Privet», 2004. 358 p.
9. Makarova G.I. V poiskakh novoi modeli etnokul'turnoi politiki federal'nogo tsentra i regionov Rossii (na primere Respubliki Tatarstan) [Searching the new model of Russian Federal Center and regions ethnocultural policy (the case of the Republic of Tatarstan)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2009, no. 1, pp. 21–38.
10. Malakhov V.S. Zachem Rossii mul'tikul'turalizm? [Why Russia do need multiculturalism?]. In Malakhov V.S., Tishkov V.A. (eds.) *Mul'tikul'turalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv* [Multiculturalism and Post-Soviet societies transformation]. Moscow: Institut Etnologii i Antropologii RAN, 2002, pp. 48–60.
11. Mezhnatsional'nye otnosheniya: monitoring FOM [Elektronnyi resurs] [Intercultural relationships: FOM

- противодействия // Толерантность против ксенофобий / Под ред. В.И. Мукомеля, Э.А. Паина. М.: Институт социологии РАН, 2005. С 82—96.
17. *Панова Е.А., Федорова К.С.* Иноэтничные дети в петербургской школе: мифы и реальность (по материалам социолингвистического исследования) // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 1. С. 81—102.
18. Прикладная конфликтология для журналистов / Сост. М. Мельников. М.: Права человека, 2006. 158 с.
19. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012 [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 27.08.2015).
20. *Рочева А.Л.* «Понаехали тут» в роддомах России: Исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследования социальной политики. 2013. № 3. С. 367—380.
21. *Сузгуров А.Ю., Боляков Р.Л.* Возможности и пределы государственного участия в развитии толерантности (на примере анализа региональной программы) // Журнал исследования социальной политики. 2011. № 2. С. 195—206.
22. *Татарко А.Н.* Взаимосвязь доверия с аккультурационными установками (на примере украинцев в России и русских в Латвии) // Культурно-историческая психология. 2016. № 1. С. 76—84. doi:10.17759/chp.2016120108
23. Технологии психологического сопровождения интеграции мигрантов в образовательной среде: Учеб.-метод. пособие для педагогов-психологов / Под ред. О.Е. Хухлаева, М.Ю. Чибисовой. М.: МГППУ, 2013. 273 с.
24. *Тишков В.А.* Полиэтничное общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред. М.Б. Погрёбинского, А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 144—194.
25. *Тюрюканова Е.* Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда, 2006. 217 с.
26. *Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю., Кузнецов И.М.* Школа как транслятор культуры принимающего общества: интеграция детей-мигрантов в образовательной среде // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 95—103.
27. *Abelson R.P., Dasgupta N., Park J., Banaji M.* Perception of the collective other // *Personality and Social Psychology Review*. 1998. Vol. 2 (4). P. 243—250.
28. *Arasaratnam L.K.* A review of articles on multiculturalism in 35 years of IJIR // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 676—685. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.006
29. *Banting K., Kymlicka W.* Introduction Multiculturalism and the welfare state: Setting the context // *Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies* / Ed. by K. Banting, W. Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1—46.
30. *Berry J.W.* Research on multiculturalism in Canada // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 663—675. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.005
31. *Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V.Y.* What do you mean by “European”? Evidence of spontaneous ingroup projection // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. P. 960—974. doi:10.1177/0146167210367488
32. *Blank T., Schmidt P.* National identity in a united Germany: nationalism or patriotism? An empirical test with monitoring]. URL: <http://fom.ru/Obraz%ADzhizni/11876> (Accessed: 18.07.2015).
12. *Mukomel' V.I.* [i dr.] Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika [Migrants, migrantophobia, and immigration policy]. In *Mukomel' V.I. (ed.), Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika [Migrants, migrantophobia, and immigration policy]*. Moscow: NP «Tsentrал'nyi Dom advokata», Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, «Academia», 2014. 245 p.
13. *Mukomel' V.I.* Migratsionnaya politika Rossii: Postsovetskie konteksty [Immigration policy in Russia: Post-Soviet context]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2005. 351 p.
14. *Narodnoe edinstvo: chto eto takoe i kak ego dostich'?* [Elektronnyi resurs] [National unity: What is it and how to reach it?]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115040> (Accessed: 18.07.2015).
15. O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabrya 2012 g., no. 1666 [Elektronnyi resurs] [About the Strategy of Russian national state policy until the year 2025. Russian Federation president's decree no. 1666, December 19th, 2012]. URL: <http://fadn.gov.ru/documents/8837-strategiya-gosudarstvennoy-natsionalnoy-politiki-rf-na-period-do-2025-goda> (Accessed: 20.08.2015).
16. *Pain E.A.* Ksenofobiya i etnopoliticheskiy ekstremizm v Rossii: O prichinakh neeffektivnosti protivodeistviya [Xenophobia and ethnic political extremism in Russia: About the reasons of counteractions ineffectiveness]. In *Mukomel' V.I., Pain E.A. (eds.), Tolerantnost' protiv ksenofobii [Tolerance versus xenophobia]*. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2005, pp. 82—96.
17. *Panova E.A., Fedorova K.S.* Inoetnichnye deti v peterburgskoi shkole: mify i real'nost' (po materialam sotsiolingvisticheskogo issledovaniya) [Non-Russian speaking children in Saint-Petersburg schools: Myths and reality (the sociolinguistic study)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 2006, no. 1, pp. 81—102.
18. *Mel'nikov M.* [i dr.] Prikladnaya konfliktologiya dlya zhurnalistov [Applied conflictology for journalists]. In *Mel'nikov M. (ed.), Prikladnaya konfliktologiya dlya zhurnalistov [Applied conflictology for journalists]*. Moscow: Prava cheloveka, 2006. 158 p.
19. *Putin V.V.* Rossiya: natsional'nyi vopros [Russia: National issue]. *Nezavisimaya gazeta*. 23.01.2012 [Elektronnyi resurs] [*Independent Newspaper*. 23.01.2012]. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Accessed: 27.08.2015).
20. *Rocheva A.L.* «Ponaekhali tut» v roddomakh Rossii: Issledovanie rezhima stratifitsirovannogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve [“A swarm of migrants in our maternity clinics!”: The study of stratified reproduction regime in the case of Kyrgyz migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 2013, no. 3, pp. 367—380.
21. *Sungurov A.Yu., Boyarkov R.L.* Vozmozhnosti i predely gosudarstvennogo uchastiya v razvitiy tolerantnosti (na primere analiza regional'noi programmy) [The scope of state involvement in tolerance development: Analysis of the region program]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 2011, no. 2, pp. 195—206.
22. *Tatarko A.N.* Vzaimosvyaz' doveriyasakkul'turatsionnymi ustanovkami (na primere ukrainitsev v Rossii i russkikh v Latvii) [Relationship between Trust and Acculturation Attitudes (With Ukrainians in Russia and Russians in Latvia as an Example)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2016, no. 1, pp. 76—84. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/chp.2016120108
23. *Khukhlaev O.E.* [i dr.] Tekhnologii psikhologicheskogo soprovozhdeniya integratsii migrantov v obrazovatel'noi

- representative data // *Political Psychology*, 2003. Vol. 24 (2). P. 289–312.
33. Brewer M.B. Intergroup relations // *Advanced Social Psychology: The State of the Science* / Ed. by R.F. Baumeister, E.J. Finkel. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 535–571.
34. Brown R. Prejudice. Its social psychology. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 319 p.
35. Brown R., Zagefka H. Ingroup affiliations and prejudice // *On the nature of prejudice: Fifty years after Allport* / Ed. by J.F. Dovidio, P. Glick, L.A. Rudman. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 54–70.
36. Frankenberg E., Kupper K., Wagner R., Bongard S. Immigrant Youth in Germany: Psychological and Sociocultural Adaptation // *European Psychologist*, 2013. Vol. 18 (3). P. 158–168. doi:10.1027/1016-9040/a000154
37. Galyapina V.N., Lebedeva N.M. Is multiculturalism in Russia possible? Intercultural relations in North Ossetia-Alania // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1). P. 24–40. doi:10.11621/pir.2016.0102
38. Goffman I. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N.Y.: Simon and Shuster, 1963. 168 p.
39. Grigoryan L. National identity and anti-immigrant attitudes: The case of Russia // *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are* / Ed. by P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, J. Seethaler. L.: Routledge, 2016. P. 206–228.
40. Inzlicht M., Kang S.K. Stereotype Threat Spillover: How Coping With Threats to Social Identity Affects Aggression, Eating, Decision Making, and Attention // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010. Vol. 99 (3). P. 467–481.
41. Koopmans R. Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Comparison // *Annual Review of Sociology*, 2013. Vol. 39. P. 147–69. doi:10.1146/annurev-soc-071312-145630
42. Lebedeva N., Tatarko A. Multiculturalism and immigration in Post-Soviet Russia // *European Psychologist*, 2013. Vol. 18 (3). P. 169–178. doi:10.1027/1016-9040/a000161
43. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.W. Intercultural relations in Russia and Latvia: the relationship between contact and cultural security // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1). P. 41–56. doi:10.11621/pir.2016.0103
44. Leong Ch.-H., Liu J.H. Whither multiculturalism? Global identities at a cross-roads // *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37. P. 657–662. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.004
45. Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N. Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1). P. 41–56. doi:10.11621/pir.2016.0104
46. Miller D. Multiculturalism and the welfare state: Theoretical reflection // *Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies* / Ed. by K. Banting, W. Kymlicka. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 322–338.
47. Nguyen A.M., Benet-Martinez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44 (1). P. 122–159. doi:10.1177/0022022111435097
48. Noor N.M., Leong Ch.-H. Multiculturalism in Malaysia and Singapore: Contesting models // *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37. P. 714–726. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.009
49. Pettigrew T., Tropp L. A meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 90. P. 751–783. doi:10.1037/0022-3514.90.5.751
- srede: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya pedagogov-psikhologov [Technologies of migrants' integration psychological maintenance in educational environment]. In Khukhlaev O.E. (eds.), *Tekhnologii psikhologicheskogo soprovozhdeniya integratsii migrantov v obrazovatel'noi srede: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya pedagogov-psikhologov* [Technologies of migrants' integration psychological maintenance in educational environment]. Moscow: MGPPU, 2013. 273 p.
24. Tishkov V.A. Polietnicheskoe obshchestvo i gosudarstvo: ponimanie i upravlenie kul'turnym raznoobraziem [Polyethnic society and the state: Cultural diversity understanding and management]. In Pogrebinsky M.B., Tolpygo A.K. (eds.), *Krizis multikulturalizma i problemy natsional'noi politiki* [Crisis of multiculturalism and national policy issues]. Moscow: Ves' Mir, 2013, pp. 144–194.
25. Tyuryukanova E. Prinuditel'nyi trud v sovremennoi Rossii: nereguliruemaya migratsiya i torgovlya lyud'mi [Forced Labour in the Russian Federation Today: Irregular Migration and Trafficking in Human Beings]. Geneva: Mezhdunarodnoe byuro truda, 2006. 217 p.
26. Khukhlaev O.E., Chibisova M.Yu., Kuznetsov I.M. Shkola kak translyator kul'tury prinyimayushchego obshchestva: integratsiya detei-migrantov v obrazovatel'noi srede [School as Transmitter of Culture of Receiving Society: Integration of Migrant Children in Educational Environment]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2014, no. 1, pp. 95–103. (In Russ., abstr. in Engl.).
27. Abelson R.P., Dasgupta N., Park J., Banaji M. Perception of the collective other. *Personality and Social Psychology Review*, 1998. Vol. 2 (4), pp. 243–250.
28. Arasaratnam L.K. A review of articles on multiculturalism in 35 years of IJIR. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 676–685. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.006
29. Banting K., Kymlicka W. Introduction Multiculturalism and the welfare state: Setting the context. In Banting K. (eds.), *Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies*. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 1–46.
30. Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 663–675. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.005
31. Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C., Yzerbyt V.Y. What do you mean by «European»? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010. Vol. 36, pp. 960–974. doi:10.1177/0146167210367488
32. Blank T., Schmidt P. National identity in a united Germany: nationalism or patriotism? An empirical test with representative data. *Political Psychology*, 2003. Vol. 24 (2), pp. 289–312.
33. Brewer M.B. Intergroup relations. In Baumeister R.F. (eds.), *Advanced Social Psychology: The State of the Science*. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 535–571.
34. Brown R. *Prejudice. Its social psychology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 319 p.
35. Brown R., Zagefka H. Ingroup affiliations and prejudice. In Dovidio J.F. (eds.), *On the nature of prejudice: Fifty years after Allport*. Oxford: Blackwell Publishing, 2005, pp. 54–70.
36. Frankenberg E., Kupper K., Wagner R., Bongard S. Immigrant Youth in Germany: Psychological and Sociocultural Adaptation. *European Psychologist*, 2013. Vol. 18 (3), pp. 158–168. doi:10.1027/1016-9040/a000154
37. Galyapina V.N., Lebedeva N.M. Is multiculturalism in Russia possible? Intercultural relations in North Ossetia-Alania. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1), pp. 24–40. doi:10.11621/pir.2016.0102

50. Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: A Meta-Analytic Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10 (4). P. 336–353.
51. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2016. Vol. 9 (1). P. 98–111. doi:10.11621/pir.2016.0107
52. Sam D.L., Berry J.W. Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet // *Perspectives on Psychological Science*. 2010. Vol. 5. P. 472–481. doi:10.1177/1745691610373075
53. Sibley C.G., Ward C. Measuring the preconditions for a successful multicultural society: A barometer test of New Zealand // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 700–713. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.008
54. Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup Relations Program Evaluation // *On the Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport* / Ed. by J.F. Dovidio, P. Glick, L.A. Rudman. Oxford, 2005. P. 431–446.
38. Goffman I. *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. N.Y.: Simon and Shuster, 1963. 168 p.
39. Grigoryan L. National identity and anti-immigrant attitudes: The case of Russia. In Schmidt P. (eds.), *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are*. L.: Routledge, 2016, pp. 206–228.
40. Inzlicht M., Kang S.K. Stereotype Threat Spillover: How Coping With Threats to Social Identity Affects Aggression, Eating, Decision Making, and Attention. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010. Vol. 99 (3), pp. 467–481.
41. Koopmans R. Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Comparison. *Annual Review of Sociology*, 2013. Vol. 39, pp. 147–69. doi:10.1146/annurev-soc-071312-145630
42. Lebedeva N., Tatarko A. Multiculturalism and immigration in Post-Soviet Russia. *European Psychologist*, 2013. Vol. 18 (3), pp. 169–178. doi:10.1027/1016-9040/a000161
43. Lebedeva N.M., Tatarko A.N., Berry J.W. Intercultural relations in Russia and Latvia: the relationship between contact and cultural security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1), pp. 41–56. doi:10.11621/pir.2016.0103
44. Leong Ch.-H., Liu J.H. Whither multiculturalism? Global identities at a cross-roads. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 657–662. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.004
45. Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N. Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being?. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1), pp. 41–56. doi:10.11621/pir.2016.0104
46. Miller D. Multiculturalism and the welfare state: Theoretical reflection. In Banting K. (eds.), *Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies*. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 322–338.
47. Nguyen A.M., Benet-Martínez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44 (1), pp. 122–159. doi:10.1177/0022022111435097
48. Noor N.M., Leong Ch.-H. Multiculturalism in Malaysia and Singapore: Contesting models. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 714–726. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.009
49. Pettigrew T., Tropp L. A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 90, pp. 751–783. doi:10.1037/0022-3514.90.5.751
50. Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: A Meta-Analytic Review. *Personality and Social Psychology Review*, 2006. Vol. 10 (4), pp. 336–353.
51. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M. Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016. Vol. 9 (1), pp. 98–111. doi:10.11621/pir.2016.0107
52. Sam D.L., Berry J.W. Acculturation: When individuals and groups of different cultural backgrounds meet. *Perspectives on Psychological Science*, 2010. Vol. 5, pp. 472–481. doi:10.1177/1745691610373075
53. Sibley C.G., Ward C. Measuring the preconditions for a successful multicultural society: A barometer test of New Zealand. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 700–713. doi:10.1016/j.ijintrel.2013.09.008
54. Stephan W.G., Stephan C.W. Intergroup Relations Program Evaluation. In Dovidio J.F. (eds.), *On the Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport*. Oxford, 2005, pp. 431–446.